

A stylized illustration of a building facade in shades of red and orange. On the left, a staircase with horizontal steps leads up. To the right, a taller building section features a grid of windows: two rows of two squares each, and a single square below. At the bottom right, there is a semi-circular archway. The text is overlaid on this graphic.

ДИНА РУБИНА

Я И ТЫ

ПОД ПЕРСИКОВЫМИ
ОБЛАКАМИ

Дина Рубина

Я и ты под персиковыми облаками

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Я и ты под персиковыми облаками / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-147090-6

«Это история одной любви, бесконечной любви, не требующей доказательств. И главное – любви неослабной, не тяготящейся однообразием дней, наоборот, стремящейся к тому, чтобы однообразие это длилось вечно...»

ISBN 978-5-04-147090-6

© Рубина Д. И.

© Эксмо

Дина Рубина

Я и ты под персиковыми облаками

Это история одной любви, бесконечной любви, не требующей доказательств. И главное – любви неослабной, не тяготящейся однообразием дней, наоборот, стремящейся к тому, чтобы однообразие это длилось вечно.

Он – прототип одного из героев моего романа.

Собственно, он и есть герой моего романа, пожалуй, единственный, кому незачем было менять имя, характер и общественный статус, которого я перенесла из жизни целиком на страницы, не смущаясь и не извиняясь за свою авторскую бесцеремонность. В этом нет ни капли пренебрежения, я вообще очень серьезно к нему отношусь. Более серьезно, чем ко многим людям. Потому что он – личность, как принято говорить в таких случаях.

Да, он – собака. Небольшой мохнатый песик породы тибетский терьер, как уверяет наш ветеринар Эдик.

Почему-то я всегда с гордостью подчеркиваю его породу, о которой, в сущности, ничего не знаю, да и знать не желаю: наш семейный демократизм равно широко простирается по всем направлениям. На нацию нам плевать, были бы душевные качества подходящие.

Попал он к нам случайно, по недоразумению, как это всегда бывает в случаях особо судьбоносных.

В то время мы жили в небольшом поселении в окрестностях Иерусалима, посреди Самарии, в центре арабского города Рамалла, в асбестовом вагоне на сваях. Весна в том году, после необычно снежной зимы никак не могла набрать силу, дули змеиные ветра, особенно ледяные над нашей голой горой.

Щенка притащила соседская девочка, привезла из Иерусалима за пазухой. В семье ее учительницы оценилась сука, и моя шестилетняя дочь заочно, не спрашивая у взрослых разрешения, выклянчила «такусенького щеночка». В автобусе он скулил, дрожал от страха, не зная, что едет прямехонько в родную семью. Родная семья поначалу тоже не пришла в восторг от пополнения.

Мы втроем стояли у нашего вагончика на жальщем ветру, дочь-самовольница скулила, и в тон ей из-за отворотов куртки соседской девочки поскуливало что-то копошащееся – непрощенный и ненужный подарок.

Я велела дочери проваливать вместе со своим незаконным приобретением, и пристраивать его, куда хочет и сможет.

Тогда соседка вытащила наконец этого типа из-за пазухи.

И я пропала.

Щенок смотрел на меня из-под черного лохматого уха бешеным глазом казачьего есаула. Я вдруг ощутила хрупкую, но отчаянную власть над собой этого дрожащего на ветру одинокого существа. Взяла его на ладонь, он куснул меня за палец, отстаивая независимость, придержал ухваченное в зубах, как бы раздумывая – что делать с этим добром, к чему приспособить... и сразу же принялся деятельно зализывать: «Да, я строг, как видишь, но сердцем мягок».

– Его назвали Конрад... – пояснила девочка.

– Ну, мы по-ихнему не приучены, – сказала я. – Мы по-простому: Кондрат. Кондрашка.

Недели через две, когда все мы уже успели вусмерть в него влюбиться, он тяжело заболел. Лежал, маленький и горячий, уронив голову на лапы, исхудал, совсем сошел на нет, остались только хвост и лохматая башка.

Ева плакала... Да и мы – были минуты – совсем теряли надежду. Завернув в одеяло, мы возили его на автобусе в Иерусалим, к ветеринару. Тот ставил ему капельницу, и, покорно лежа на боку, щенок смотрел мимо меня сухим взглядом, каким смотрят вдаль в степи или в пустыне.

Но судьба есть судьба: он выздоровел. Принялся жрать все подряд с чудовищным аппетитом, и месяца за два превратился в небольшую мохнатую свинью, дерущуюся со всеми домашними.

Стоял жаркий май, днем палило солнце, к вечеру трава вокруг закипала невидимой хоральной жизнью – что-то тренькало, звенело, шипело, жужжало, зудело, и все это страшно интриговало Кондрата.

Под сваями соседнего каравана жил какой-то полевой зверек невыясненного вида (у нас он назывался Суслик, и не исключено, что таковым и являлся). Это было хладнокровное и мудрое существо, которое каким-то образом сумело наладить со взбалмошным щенком приличные, хотя и не теплые отношения. Во всяком случае, Кондрат не стремился загрызть своего подсвайного соседа. Однако постоянно пытался «повысить профиль» и поднять свой статус. Для этой цели время от времени он притаскивал к норе пожилого и сдержанного Суслика что-нибудь из домашнего обихода: старую Димкину майку или мочалку, завалившуюся за шкафчик и добытую им с поистине человеческим тщанием; выкладывал на землю и вызывая лаял: «А ну, выдь, жидовская морда, глянь – ты эдакое выдывал?!» Вообще, с детства обнаружил уникальную, поистине мушкетерскую хвастливость.

Когда, украдкой сцапав упавшую на пол тряпочку для мытья посуды, Кондрат мчался под сваи соседнего каравана, Димка говорил: «Опять хлестаться перед Сусликом пошел».

Целыми днями он гонял кругами вокруг нашего асбестового жилища, молниеносно бросаясь в траву, отскакивая, рыча от восторга, поминутно пропадая из поля зрения, и тогда над холмами Самарии неслись, пугая пастухов-арабов, наши призывные вопли...

Так что детство его прошло на воле, среди долин и холмов, а дымы бедуинских костров из собачьей души, как ни старайся, не выветришь.

* * *

Но скоро мы променяли цыганскую жизнь в кибитке на мещанский удел: купили обычную квартиру в городке под Иерусалимом. Судьба вознесла нашего пса на невысказанную высоту – последний этаж, да и дом на самой вершине перевала. Войдя в пустую квартиру, первым делом мы поставили стул к огромному – во всю стену – венецианскому окну. Кондрат немедленно вскочил на него, встал на задние лапы, передними оперся о подоконник и залаял от ужаса: с такой точки обзора он землю еще не видел.

С тех пор прошло восемь лет. Стул этот и сейчас называется капитанским мостиком, а сам Капитан Конрад проводит на нем изрядно свободного времени, бранясь на пробегающих по своим делам собак и сторожа приближение автобуса, в котором едет кто-то из домашних. Как матрос Колумбова корабля, он вглядывается в даль, на Масличную гору, поросшую старым Гефсиманским садом, а завидя кого-то из близких, принимается бешено молотить хвостом, как сигнальщик – флажками, словно открыл наконец, открыл свою Америку!

Наверное, мне надо его описать. Ничего особенного этот пес собой не представляет. Такой себе шерстистый господинчик не крупной комплекции, скорее белый, с черными свисающими ушами, аккуратно разделенными белым пробором, что делает его похожим на степенного приказчика большого магазина дамского белья. На спине тоже есть несколько больших

черных пятен, хвост белый, энергичный, ответственный за все движения души. Закинут на спину полукольцом и наготове для самых непредвиденных нужд, как солдатская скатка. Вот, собственно, и весь Кондрат. Не бог весть что, но длинная взъерошенная морда и черные глаза, саркастически глядящие сквозь лохмы казацкого чуба, изумительно человекоподобны.

Зимами он лохмат и не прибран, как художник-абстракционист, поскольку не допускает всяких дамских глупостей вроде расчесывания шерсти. С наступлением жары – кардинально меняет облик. Я сама стригу его со страшным риском поссориться навек. Он огрызается, рвется убежать, вертится, пытаюсь цапнуть меня за руку для острастки. Я с ножницами прыгаю вокруг него, как пикадор вокруг разъяренного быка, отхватывая то тут, то там спутанный клок. После окончания экзекуции он превращается в совсем уж несерьезную собачонку с лохматой головой и юрким нежно-шелковистым тельцем. Не жених, нет. Даже и описать невозможно – кто это такой. Однако опасность подцепить клеща резко снижается. Да и жара не так допекает. А красота – она ведь дело наживное. Тем более что главное, оно известно, – красота души.

Восемь лет я наблюдаю эту независимую и склочную натуру, и – не скрою – в иные моменты судьбы очень бы хотела позаимствовать кое-что из характера моего пса.

Во-первых, он неподкупен. Чужого ему не надо, а свое не отдаст никому.

Наш Кондрат вообще – мужичок имущественный. Любит, чтоб под его мохнатым боком «имелась вещь»: старый носок, ношенный Евин свитер, нуждающийся в стирке, или кухонный фартук, который я уже несколько месяцев считала запропастившимся, а он вон где – у Кондрата под брюхом. Сторож своему хозяйству он лютый. Не только забрать, а и мимо пройти не советую. Из самых глубин собачьего естества вы вдруг слышите тихий опасный рокот, похожий на слабое урчание грозы или хриплый гул далекой конницы.

Впрочем, полное отсутствие врагов, покусителей, да просто зрителей его расхолаживает. И если у него настроение сразиться с кем-нибудь и показать не важно кому кузькину мать, он прихватывает зубами что-то из своего хозяйства, заявляется с угрожающим видом туда, где вы сидите, ни о чем не подозревая и мирно попивая чай или что-там-еще (так, пружиня на носках сапожек и зыря по сторонам, ковбой заходит в незнакомый паб), и выкладывает добычу прямо вам под ноги. Морда при этом разбойничья и провокационная: «А ну, давай, сунься!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.